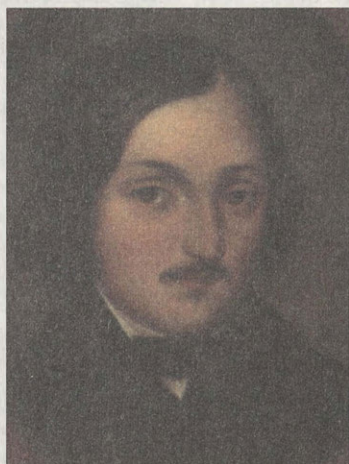

В АВГУСТЕ 1849 ГОДА

О приезде Н.В. Гоголя в Мураново

Светлана Долгополова

Ф.А. Мюллер (?)
Портрет Н.В. Гоголя. 1849

Август подходил к середине, а погода стояла холодная и дождливая. Но в абрамцевском доме все время были гости. 12 числа, в пятницу, приехал на три дня Ю.Ф. Самарин. Он получил назначение по службе в Симбирск и хотел проститься. После его отъезда в воскресенье утром приехал Н.В. Гоголь. Он давно не видел своих старых друзей. По обыкновению Гоголь провел у них день своего рождения — 19 марта, а в Николин день — 9 мая встретился с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым и его сыновьями Константином и Иваном на традиционном именинном обеде в саду погодинского дома на Девичьем поле. Его жизнь в последние годы состояла из путешествий по чужим краям и болезней. Абрамцевские обитатели постарались смягчить все, что можно было смягчить, и предоставили ему полнейшую свободу. Он поселился в мезонине, днем занимался какими-то своими делами, а по вечерам вовлекал всех в чтение переводов древних авторов, сделанных А.Ф. Мерзляковым. Читали и русских писателей. Гуляли в лесу, собирали грибы. Гоголь подкладывал найденные грибы на дорожку, по которой должен был пройти слепнувший Сергей Тимофеевич, и старик почти видел это.

В соседнем имении Мураново, отстоящем от Абрамцева на расстоянии восьми верст лесной дороги, у Н.В. Путьята гостил его старый приятель К.О. Россет, брат А.О. Смирновой-Россет, известной своей красотой и умом, а теперь еще и глубокой религиозностью. Гоголь посетил ее в июле, побывав в калужском имении Бегичево и в загородном губернаторском доме. Там он читал ей, тончайшему ценителю литературных творений, главы второго тома «Мертвых душ». Она стала одной из пер-

вых слушательниц его нового, долго ожидаемого произведения.

16 августа Путьята написал своему другу С.Д. Полторацкому, что завтра он и Россет собираются отправиться в Троице-Сергиеву лавру. В письме не упоминается о Гоголе, — и это свидетельство того, что приятели не знали о его пребывании по соседству. Они оба давно были с ним знакомы. Путьята встретился с писателем 25 июня 1836 года во время заграничного путешествия. Россет тоже знал его мно-

го лет. Он хорошо знал и Аксаковых, а Путьята, служивший в Петербурге, еще не был знаком со всем семейством. Мураново, только в этом, 1849 году переходило по наследству его жене Софье Львовне Путьяте и ее сестре Анастасии Львовне Боратынской, вдове поэта, после смерти их душевнобольного брата Петра Львовича Энгельгардта, с молодых лет находившегося под опекой.

17 августа Путьята и Россет побывали в Лавре и, вероятно, там узнали, что неподалеку находится Гоголь. Они посетили его в тот день или на следующий. Россет представил Путьяту аксаковскому семейству, но, скорее всего, во время этого их визита Сергея Тимофеевича не было дома. Гоголь и Россет договорились вместе возвратиться в Москву.

19 утром «дождь лил частый и проливной, и уже несколько дней воздух был как белая пелена». В абрамцевском доме подали завтрак. Спустя десять дней Вера Сергеевна Аксакова написала об этом утре своей двоюродной сестре М.Г. Карташевской: «...у Гоголя было сильное желание съездить к Троице, но на него напало одно из тех состояний нерешительности, которое не раз его мучило и, по его собственным словам, часто расстраивало его здо-

ровье. — Велено было заложить карету, се- ли завтракать, но и тут продолжалось все нерешение ехать или не ехать, Гоголь обра- щался ко всем с своими сомнениями, он желал, чтоб кто-нибудь его решил, дос- таточно было одного слова, чтоб его заставить поступить так или иначе. Я сама недавно была у Троицы в первый раз после своей болезни. Мне казалось странным, что Гоголь, будучи так близко от Троицы, после стольких дальних и долгих стран- ствований после сильной болезни не съез- дит помолиться у Мощей преп. Сергия, и я ему сказала. Конечно, погода дурна, но мне б хотелось, чтоб вы съездили. А если хочется, то надобно ехать, сказал Гоголь. Сел и поехал». Дождь не прекращался, ко- леса тонули в грязи. Подъехав к деревне, он встретил нарочного из Муранова с за- пиской, и так как у него не было каранда- ша, передал на словах ответ: «...мы, дескать, с стариком Аксаковым собирались все у- тро к Николаю Васильевичу, но мешал дождь». Возможно, что Гоголь, ехать ему или нет к Троице, мог думать и о поездке в Мураново. В записке нарочного Россет сообщал, что хочет ехать или идти пеш- ком к Троице. Гоголь, надеясь, что встре- тит его там, продолжил свой путь.

«Дождь лил весь день, дорога была ужас- ная». Гоголь возвратился в абрамцевский дом только в 8 часов вечера, когда все оби- татели сидели за круглым столом в гости- ной, погруженные в работу или чтение. В письме от 29 августа Вера Сергеевна на- писала: «Он подошел к нам, поздоровался со всеми. Маменька ему сказала: «Я сердил- ась на Веру, что она вас решила ехать». «Напротив, я очень благодарен», — отве- чал он. — Он рассказывал про свою поез- дку, потом пошли пить чай, он показал нам образок, которым благословил его Наместник. У Троицы Гоголь виделся с о. Феодором, бакалавром, который писал ему чрезвычайно умные и замечательные, по словам Гоголя, заметки на его книгу».

Наместничество митрополита Антония Медведева продолжалось уже 18 лет. Он вступил в эту должность 39 лет, получив от старца Серафима Саровского наставле- ние «быть не отцем, а матерью братии». С любовью и заботой владыка Антоний от- носился к лаврским инокам и к мирским богомольцам, посещавшим святую оби- тель. Несомненно, что его благословение было исполнено для Гоголя большого ду- ховного значения. Несомненно также, что чрезвычайно значимой для писателя была его встреча с замечательным богословом о. Феодором Бухаревым, еще совсем мо-

лодым человеком, с большими дарования- ми и обширной эрудицией.

По возвращении Гоголь написал пись- мо Путяте, отправленное с нарочным: «Сделайте милость, уведомьте, Николай Васильевич, у вас или не у вас Клемен- тий Осипович. Я был в Троице и, к изумле- нью, его там не увидел. Княжна Цициано- ва сказывала, что и она не видала его и что он оттоль куда-то уехал вдур. Из сего я ви- жу, что человек, которому поручен был от- вет, изустно донес его не в том виде. Встретивши его в поле, подъезжавши к де- ревне и поленившись возвратиться с ним для написания записки (а карандаша не было), я ему объяснил, что, дескать, с ста- риком Аксаковым собирались все утро к Николаю Васильевичу, но мешал дождь. Теперь же, видя, что Клементий Осипович переменял намерение и хочет ехать с ва- ми (или идти пешком к Троице, как сказа- но в записке), то в таком случае будь по его. Мы все поедем тоже в Троицу. Там встретимся и устроим насчет возврата в город. Но все, как видно, спуталось и перепуталось. Известите меня как о Клементии Осиповиче, так равно и о себе, будете ли вы дома сегодня и завтра. Потому что если не сегодня, то завтра я и старик Аксаков, сторающий нетерпением с вами познако- миться, едем к вам. Поехали бы и сию ми- нуту, но ждем еще известия из Троицы, где у меня есть небольшое дело. Ваш весь Н. Гоголь. Передайте душевный поклон суп- руге и сестрице».

Получив это письмо, Путята и Россет, несмотря на поздний час, сами отправи- лись в Абрамцево. В этот вечер состоялось знакомство Путяты со стариком Аксако- вым. Вскоре в письме к сыну И.С. Аксакову он написал, что во время пребывания у них Гоголя Путята дважды побывал в Абрамцево и говорил о своем знакомстве с Иваном Сергеевичем в Петербурге.

В конце этого длинного дня, после отъезда гостей, состоялось непредвиден- ное. Гоголь, получивший сильное душев- ное воздействие от поездки в Лавру, впер- вые решился прочитать своим друзьям главу из второго тома «Мертвых душ». Это незабываемое чтение подробно описано С.Т. Аксаковым и впервые включено в со- став издания «Истории моего знакомства с Гоголем» 1969 года:

«...вечером Гоголь, сидя на своем обык- новенном месте вдруг сказал:

— Да не прочтешь ли нам главу «Мерт- вых душ»?

— Мы были озадачены его словами и подумали, что он говорит о первом томе

Гоголевская комната

«Мертвых душ». Константин даже встал, чтоб принести их сверху, из своей библиотеки; но Гоголь удержал его за рукав и сказал:

— Нет, уж я вам прочту из второго, — и с этими словами вытащил из своего огромного кармана большую тетрадь.

Я не могу передать, что сделалось со всеми нами. Я был совершенно уничтожен. Не радость, а страх, что я услышу что-нибудь недостойное прежнего Гоголя, так смутил меня, что я совсем растерялся. Гоголь был сам сконфужен. Ту же минуту все мы придвинулись к столу, и Гоголь прочел первую главу 2-го тома «Мертвых душ». С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, — и пришел в совершенный восторг. Чтение продолжалось час с четвертью. Гоголь несколько устал и, осыпаясь нашими искренними и радостными приветствиями, скоро ушел наверх, в свою комнату, потому что уже прошел час, в который он обыкновенно ложился спать, т. е. одиннадцать часов.

Я не стану описывать, в каком положении были мы все, особенно я, который

считал его талант погибшим. Тут только мы догадались, что Гоголь с первого дня имел намерение прочесть нам первую главу из второго тома «Мертвых душ», которая одна была отделана, и ждал от нас только какого-нибудь вызывающего слова. Тут только припомнили мы, что Гоголь много раз опускал руку в карман и хотел что-то вытащить, и вынимал пустую руку.

На другой день рано поутру я пришел наверх к Гоголю, обнял его и высказал всю мою радость, и Гоголь сказал мне с светящимся, радостным лицом: «Фома неверный». В этот день поутру Гоголь должен был непременно ехать к нашим соседям Пугачам, где его дожидался Россет, чтоб вместе с ним ехать в Москву. Мы с Константином поехали его провожать; только что отъехали с версту, как Гоголь обратился ко мне и Константину и весьма серьезно сказал: «Ну, говорите же мне теперь все, что вы заметили в первой главе». Мы не были готовы к такому вопросу; только что я начал соображать мои впечатления, как нас догнал нарочный с известием, что к нам приехал Хомяков на самое короткое

время и в первый раз. Мы должны были воротиться, что было неприятно Гоголю. На возвратном пути говорили уже совсем о другой материи. Повидавшись с Хомяковым, через полчаса Гоголь уехал один и как будто не так весел».

Гоголь приехал один в дом, построенный русским поэтом Евгением Абрамовичем Боратынским, умершим пять лет назад в Италии. Конечно же, Путята, который был для абрамцевских обитателей «новым соседом», должен был рассказать гостю о своем мурановском предшественнике. И кому как не Гоголю, много лет проводившему в Италии, смертельно там болевшему и писавшему оттуда другу: «Сложить мне голову свою не на родине...», мог быть особенно внятн такой конец русского поэта. Кроме того, в октябре 1845 года в Риме Гоголь встречался с художником А.А. Ивановым, который мог рассказать ему о внезапной кончине Евгения Абрамовича Боратынского в Неаполе 29 июня 1844 года. Иванов хлопотал тогда о том, чтобы снять посмертную маску с лица поэта. Может быть, эта маска или сле-

пок с нее, уже хранилась в Муранове в 1849-м? Несомненно, что здесь оставались предметы мебели, заказанные для мурановского дома Боратынским: его письменный стол, книжные шкафы, этажерки и многое другое.

Что увидел и что почувствовал Гоголь в Муранове? Он пробыл здесь весь день 20 августа, переночевал, а наутро вместе с Россетом отправился в Москву. Комнату же во втором этаже, где он останавливался, Путята с тех пор стал называть Гоголевской. С этим названием она существует и поныне.

29 августа в обстоятельном письме сыну Ивану Сергей Тимофеевич писал: «Я в жизнь мою не помню такого гнусного времени как теперь: или дождь с холодом и ветром, или мороз». Но погода не помешала ему с сыном в скором времени после отъезда Гоголя отдать визит новому соседу. «На днях мы были с Костинькой у Путяты: он сам кажется порядочный человек, и его сестра и жена — неглупые женщины». Так началась дружба обитателей этих усадеб.

Уголок Гоголевской комнаты